

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 122-128. ISSN 1998-0817
 Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 122-128. ISSN 1998-0817
 Научная статья
 УДК 821(73).09«20»:792
<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-122-128>

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ РЕБЁНКА И КУЛЬТУРНОГО ГЕРОЯ В ДРАМАТУРГИИ Э. ОЛБИ И С. МРОЖЕКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРОБЛЕМЫ ПОКОЛЕНИЙ

Зиновьева Регина Владимировна, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия, regina46@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1875-0729>

Аннотация. В статье исследуется место архетипических образов ребёнка и культурного героя в идейно-образной системе театра абсурда Эдварда Олби и Славомира Мрожека. Утверждается, что в драмах Олби («Песочница», «Американская мечта», «Кто боится Вирджинии Вульф», «Шаткое равновесие») и Мрожека («Танго», «Счастливое событие», «Racket Baby») вступают в амбивалентные отношения архетипические образы божественного и демонического («ужасного») ребёнка, обозначенные в психоаналитической философии К.Г. Юнга. Танатологические мотивы, сопутствующие этой архетипической дуальности, свидетельствуют об искаженном образе будущего в сознании человека XX века, в связи с чем образ ребёнка в драме абсурда становится отражением общего процесса дегуманизации современного общества и семьи. Архетип культурного героя, согласно мировой мифологической традиции, воплощает в себе идеи индивидуации и трансформации ребёнка. Однако через представление гротескно-пародийных образов детей и юношей в творчестве драматургов понимание архетипа ребёнка как потенциального культурного героя не несёт идею цивилизационного прогресса как «будущности» мира, а, наоборот, отражает эсхатологический сценарий мировой истории. Проблема внутрисемейных отношений, запечатлевающая поколенческий конфликт в его карнавализованном варианте (перевернутые отношения «старших» и «младших»), является индикатором социального абсурда, представленного в пьесах. Сопоставительный анализ произведений сквозь призму амбивалентного архетипа «божественного ребёнка» – «ужасного младенца» способствует выявлению национальной и социокультурной специфики конфликта «отцов и детей». Делается вывод о том, что собирательный опыт поколения, к которому принадлежали Олби и Мрожек, определил пессимистическое видение будущего обоими драматургами.

Ключевые слова: Олби, Мрожек, архетип, ребенок, культурный герой, поколение, конфликт, карнавал, абсурд

Для цитирования: Архетипические образы ребёнка и культурного героя в драматургии Э. Олби и С. Мрожека сквозь призму проблемы поколений // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 122-128. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-122-128>

Research Article

ARCHETYPICAL IMAGES OF A CHILD AND A CULTURAL HERO IN THE PLAYWRIGHTS OF EDWARD FRANKLIN ALBEE AND SŁAWOMIR MROŻEK IN THE LIGHT OF THE GENERATIONAL PROBLEM

Regina V. Zinoveva, Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, regina46@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1875-0729>

Abstract. The article examines the place of archetypal images of a child and a cultural hero in the ideological and imaginative system of theatre of the absurd of Edward Franklin Albee and Sławomir Mrożek. It is stated that in Albee's dramas («The Sandbox», «The American Dream», «Who's Afraid of Virginia Woolf», «A Delicate Balance») and Mrożek's dramas («Tango», «A Happy Event», «Racket-Baby») the archetypal images of a divine and demonic («unruly») child, outlined in Carl Gustav Jung's psychoanalytic philosophy, enter into ambivalent relations. The thanatological motifs which accompany this archetypal duality testify to the distorted image of the future in the consciousness of twentieth-century human, so that the image of a child in the drama of the absurd becomes a reflection of the general process of dehumanisation in modern society as well as in the family. The archetype of the cultural hero, according to the world mythological tradition, embodies the ideas of individuation and transformation of a child growing into adulthood. However, through the presentation of grotesque and parodic images of children and young men in the work of playwrights, the understanding of the child archetype as a potential cultural hero does not include the idea of civilisational progress as the «futureness» of the world, but rather reflects the eschatological scenario of the world history. The problem of family relations, which captures the generational conflict in its carnivalised version (the inverted relations between the «older» and the «younger»), is an indicator of the social absurdity represented in the plays. The comparative analysis of the plays in the light of the ambivalent archetype of «divine child» – «unruly child» contributes to the identification of national and socio-cultural specificity of the conflict of «fathers and sons». It is concluded that the collective

experience of the generation to which Albee and Mrozek belonged to determines the pessimistic vision of the future by both playwrights.

Keywords: Edward Franklin Albee, Sławomir Mrozek, archetype, child, cultural hero, generation, conflict, carnival, absurd

For citation: Zinoveva R.V. Archetypical images of a child and a cultural hero in the playwrights of Edward Franklin Albee and Sławomir Mrozek in the light of the generational problem. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 122-128 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-122-128>

Театр абсурда XX века в его разных национальных вариантах, отражая, с одной стороны, состояние дезинтеграции бытия, с другой стороны, сохраняет в себе генетический код целостности жизни и ее смысла, инструментом исследования которого может стать теория архетипов Карла Густава Юнга. По определению В.Н. Фурса, архетипы представляют собой «универсальную модель психической активности, спонтанно определяющую человеческое мышление и поведение» [Фурс: 50–51]. Наряду с множеством архетипов, описанных Юнгом, таких как «мать», «дева», «герой» и «трикстер», особую роль в литературе играет архетипический образ ребёнка, являющийся, с одной стороны, знаком божественного присутствия, спасения и преображения мира, а с другой стороны, выступающий в демонической ипостаси «ужасного младенца», отражающего эсхатологический сценарий мировой истории.

Являясь одним из древнейших архетипов, образ ребенка может актуализироваться в структуре любого другого архетипа в силу своего активного духовного начала. По мнению Л.К. Нефедовой, архетип ребенка является не только «энергично-смысловой формой репрезентации феномена детства в художественном творчестве» [Нефедова: 36], но и средством познания коллективного конструирования бытия, поскольку, как писал К.Г. Юнг, архетип «репрезентирует или персонафицирует определенные инстинктивные данности примитивной темной психики, подлинные, но невидимые корни сознания» [Юнг: 356].

У Юнга, с одной стороны, ребенок выступает в качестве беспомощного невинного существа, который находится во власти невидимых враждебных сил, а с другой стороны, ребенок (а также юноша) наделён огромной силой и способностями, «которые далеко превосходят человеческую меру» [Юнг: 369]. Такая поляризация архетипа свидетельствует о «непреодолимости» ребёнка, о его «целостности» [Юнг: 369], охватывающей глубинные природные начала, и о его власти, включающей в себя силы «верха и низа» [Юнг: 370]. Манифестация архетипа ребенка как одного «из наиболее глубоких и потенциально опасных уровней фундаментального архетипа коллективного бессознательного – Тени»¹ представлена в творчестве Эдварда Олби и Славомира Мрожека, являющихся характерными выразителями соответственно американской и польской школ театра абсурда. В пьесах Олби «Песочница» (1960), «Американская мечта» (1961), «Кто боится Вирджинии Вульф» (1962), «Шаткое равно-

весие» (1966) и Мрожека «Танго» (1964), «Racket Baby» (1965), «Второе блюдо» (1968) и «Счастливый случай» (1971) создан многогранный образ ребёнка, реализующий свою амбивалентную природу в рамках проблемы конфликта двух или трёх поколений.

В контексте реализации архетипа ребенка в образной системе поколений драматургии Олби и Мрожека значим аспект поколенческой идентификации американского и польского драматургов. Согласно теории Н. Хоува и В. Штрауса [Ожиганова: 94], Олби (1928–2016) и Мрожек (1930–2013) принадлежат поколению «художников», либо «молчаливому поколению» («silent generation»), родившемуся в период упадка. В польском литературоведении поколение, которым обозначаются представители искусства, дебютировавшие в 1956 г. в Польше и чья деятельность пришлась на ближайшие десятилетия, называется поколением «Вспулчесносци» (pokolenie «Współczesności») [Gazda: 501]. Последствия Второй мировой войны затронули общество обеих географически отдаленных друг от друга стран, дали мощный толчок к переосмыслению исторического и культурного наследия, традиционных ценностей и идентичности. Смена государственной власти, установление коммунистического режима в Польше, воочию узревшей все ужасы войны, – всё это стало предметом рефлексирующего сознания польского драматурга. Послевоенный американский контекст, безусловно, не сравним по своему историческому напряжению с польским, однако основные симптомы кризиса (несоответствие желаемого с реальным, сбой ценностных и мировоззренческих ориентиров, разочарование в надеждах на лучшее будущее) характерны для собирательного опыта поколения, к которому принадлежали и Олби, и Мрожек.

Поколенческий конфликт, который представлен в пьесах авторов, отражает алогизм семейных отношений и релятивизм моральных принципов героев. В мире, в котором они живут, нарушаются преемственные связи между поколениями, ощутимы их дискommunikация и адиалогичность. Представлен мир «наоборот» с перевернутыми ценностями и устоями, в котором герои ведут себя аморально. Тема «перевернутых отношений» в семье отсылает нас к бахтинской теории карнавала. Согласно Бахтину, карнавал – это соединение трагического и комедийного, профанного и сакрального, то есть противопоставление «верха» и «низа». Карнавализация семейно-поколенческой тематики – это перевернутые отношения между от-

цами («верхом») и детьми («низом») в драматургии Олби и Мрожека и отражение трагизма социальной действительности.

Для исторического опыта поколения, к которому принадлежали Олби и Мрожек, актуальным является утверждение Юнга, считавшего архетип ребёнка символическим выражением «потенциального будущего» [Юнг: 362]. Однако, у обоих драматургов образ ребёнка, наоборот, парадоксальным образом противостоит идее будущего. Это связано, прежде всего, с тем, что в западном искусстве XX века, которому принадлежали американский и польский абсурдисты, происходит процесс «дегуманизации детства» [Ненилин: 48].

В творчестве Олби образ ребенка не только не соотносится с идеей будущности, но и связан с архетипическим сюжетом «пляски смерти», средневековым мотивом «*dansemacabre*», относящимся к карнавальной тематике и сочетающим в себе элементы комического и трагического. М.М. Бахтин писал об использовании во время карнавала образов детей «в качестве универсальнейшего символа вечно умирающей и обновляющейся жизни» [Бахтин: 276]. А.Г. Ненилин, анализируя проблему детства в литературной традиции Англии и США, приходит к выводу о том, что характерный для англо-американской литературы XIX века культ божественной невинности ребёнка был отвергнут в XX веке [Ненилин: 38]. Э. Пайфер, рассматривая амбивалентность ребёнка в современной англо-американской литературе, пишет об одной из основных тенденций его воплощения, реализованного в «разрушенных и гротескных образах»² [Peifer: 2]. В трагикомедии Олби «Кто боится Вирджинии Вульф» образ ребенка представлен в качестве не реального действующего лица, а внесюжетного персонажа драмы, плода фантазий двух супругов, чьи отношения далеки от идеала семьи. Образ ребёнка здесь метафорически сравнивается с «бедным ягнёнком» («*rooglamb*») [Albee 1: 297]), который, будучи сакральной жертвой, отдан на заклание отцом, главным героем, как форма освобождения от иллюзий. Мотив жертвоприношения воображаемого сына отсылает нас к ветхозаветной истории Авраама и Исаака³. В пьесе «Шаткое равновесие» также поставлена проблема дисфункциональных семейных отношений: сын двух главных героев умирает, будучи «единственной связью»⁴ [Олби («string») [Albee 2: 80)] между супругами. Обращает на себя внимание тема игровых отношений внутри семьи, имеющих ярко выраженную потребительскую направленность. Неслучайно говорящее имя ребёнка «Тедди» сравнимо с названием детской игрушки «Мишка Тедди» («*Teddybear*»). Немаловажный смысл несёт само значение этого имени, которое, будучи теофорным (Тедди, Теодор – «Божий дар»), свидетельствует о невинности, беззащитности и божественной сущности героя-ребёнка. С внешней точки зрения, в обеих пьесах Олби

создаёт образ «Божественного Младенца», коррелирующего с фигурой Младенца-Христа. Однако этот образ, являясь номинальным, воплощает теневую сторону архетипа ребёнка и, по сути, оказывается «разрушенным», «мёртвым», поскольку связан с мотивом нереализованных желаний.

В мировой мифологической традиции, по мнению Дж. Кэмпбелла, ребёнок и юноша рассматриваются в одном ключе в контексте мотива приключения и трансформации. «Ребёнок отказывается от своего детства, чтобы стать зрелым мужчиной» [Сила мифа: 169], – пишет исследователь. Юноша воплощает в себе архетип «героя» [Тысячеликий герой: 59], одновременно являясь и жертвой, и спасителем, который «обнаружил или сделал что-то необычное, выходящее за грани привычного повседневного опыта» [Сила мифа: 168]. В пьесах Олби «Песочница» и «Американская мечта» появляется именно такой молодой человек, наделённый безмерной силой и сверхзадачей. В «Песочнице» юноша, будучи участником сценического представления, играет роль пародийного ангела смерти («*The Angel of Death*») [Albee 1: 86]. Умертвляя бабушку, он тем самым вершит судьбу старшего поколения. В «Американской мечте» читатель знакомится с образами близнецов, один из которых становится жертвой расправы жестоких мамуль и папуль, по сути, их «маленькой игрушкой» [Олби 1976: 16] («*a bundle of joy*») [Albee 1: 126]), а второй является статическим воплощением идеала «американской мечты». Олби изображает молодого человека, представляющего собой гротескно-пародийную модель «американского Адама» [Lewis: 3] в контексте «массового идентификационного мифа» [Баталов: 22] Америки, воплотившегося в форме «американской мечты о свободном, успешном человеке в свободном и успешном мире» [Баталов: 22]. Адамический миф является архетипически важным для культуры США, поскольку, по словам В. Патея, «определяет типологию нового человека: вечно молодого, упивающегося своей невинностью; воплощение безграничной потенциальности могущественного прометеевского “Я” и абсолютного начала» [Patea: 18]. Однако образ молодого человека Олби далёк от идеального воплощения национального мифа и являет собой чудовищную гротескную пародию на Адама: «Мое сердце... было вырвано из моего тела... и с этого времени я потерял способность любить... Я потерял способность ощущать что-либо. У меня нет чувств. Меня иссушили... разорвали... выпотрожили. Сейчас у меня есть только я сам... мое тело, мое лицо... Я позволяю людям любить меня... Я не полноценный... я ничего не чувствую» [Олби 1976: 20–21], – говорит о себе юноша.

В драматургии Мрожека категория будущего, с которой отождествляется тема детства и юношества, равно как и у Олби, предстает в отрицательном воплощении. В пьесе «Счастливое собы-

тие» рождение потомка, которое по всем правилам прогрессивного общества должно сулить надежду, заведомо не несёт оптимистического посыла. Напыщенные псевдоромантические восхваления премника, связанные с возможностью передать ему наследие прошлых поколений, иронично высмеиваются мрожековским хамом, приезжим анархистом, олицетворением «ничто» [Mrozek 1963: 187], «посредственности» [Mrozek 1963: 188], духовным детищем которого и становится Младенец, у которого «нет души» [Mrozek 1963: 199]. Союз хама и ребёнка свидетельствует о пренебрежении и отрицании тех духовных ценностей, которые были культивированы в прошлые эпохи. Польский национальный лозунг «Bóg, honor i ojczyzna» («Бог, честь и родина») богохульно высмеивается младшим поколением и его наставником хамом, которые предлагают новую цивилизационную идею. Мрожек, будучи эпатажным обличителем прогресса, с чувством полнейшей безысходности словами одного из своих героев даёт ей метафорическое название «дура» [Mrozek 1963: 199] («задница»). Взрыв, спровоцированный оставленным на попечении хама Младенцем, знаменует собой таящуюся угрозу неизвестного будущего. В короткой пьесе «Racket Baby» («Малыш-мошенник») Мрожек демонстрирует пародийную зарисовку будущего мира, порождённого примитивизмом и хамством, в котором действуют интеллектуально отсталые, но «могущественные младенцы-гангстеры» [Mrozek 2010: 57], выясняющие между собой отношения.

Образ молодого человека, реализующий архетип «героя», присутствует у Мрожека в пьесе «Танго». Неслучайно имя главного персонажа, Артур, означает «медведь». В качестве мифического героя солярного типа медведь символизирует сверхъестественную мощь и отвагу, он борется со злом и одерживает над ним победу. Образ юноши Мрожека имеет прямые отсылки к образу Гамлета, воплощающего в себе «комплекс Ореста» [Murray: 4]. Подобно шекспировскому герою, который был призван «восстановить ценности, расшатанные и разрушенные в процессе стремительных перемен» [Померанц], Артур ценой своей жизни пытается вернуть утраченные семейные ценности и идеалы. Однако его попытка не увенчивается успехом, поскольку мир, с которым он сражается, более не в состоянии удовлетворить его духовные запросы. Трагикомический образ Артура сочетается с танатологическими мотивами, которые присущи творчеству Мрожека. Д.П. Климчак в своей работе «Танго Смерти. Последние вопросы Славомира Мрожека», исследуя творчество драматурга, говорит о его обращении к архетипам и устоявшимся в культуре принципами религиозного осмысления бытия – пограничным ситуациям, входящим в основу догматического учения католической церкви, а именно: смерть, суд, воскресение, рай или ад. Смерть, по замечанию кри-

тика, представляет собой «одну из главных особенностей абсурдистского театра *Misterium Mortis* Мрожека, являющегося одновременно и *Misterium Vitae*» [Klimczak: 33]. В пьесе «Танго» образ Артура воплощает взаимосвязь молодого и умирающего начала в контексте героического пути персонажа.

В целом такое сочетание архетипа детей как культурных героев и танатологических мотивов в творчестве Олби и Мрожека – логическое следствие абсурдности, которая свойственна художественному восприятию обоих драматургов. Посредством системы пародийно-гротескных, «разрушенных» и «мёртвых» образов детей и трагикомических образов юноши абсурдисты рисуют мрачную картину современности и предсказывают трагическое будущее. Ребёнок, равно как и молодой человек, в творчестве обоих драматургов обозначает не столько выход из ситуации разрыва отношений между членами семьи в контексте мотива «связи времён», сколько новый виток дискommunikации поколений, перерастающий в трагическую развязку.

В пьесах Эдварда Олби «Песочница» и «Американская мечта» конфликт отцов и детей представлен в противостоянии старшего и среднего поколений в лице бабушки, её дочери и зятя, которые стремятся избавиться от своей престарелой родственницы. Те карикатурные обозначения, которые даёт Олби своим главным героям («Мамуля» («Mommy»), «Папуля» («Daddy»)), свидетельствуют скорее о тех «функциях, которые они выполняют в обществе» [Janiszewski: 54], и, как пишет сам драматург, указывают на «дряхлость и пустоту характеров» [Albee 1: 85]. Такая бессодержательность представленных образов, по словам Ж. Вилза, стала «результатом упадка ценностей в западном мире в общем и в частности в США» [Weales: 17]. Единственным человеком, который противопоставит миру жестоких мамуль и папуль, является представитель старшего поколения, Бабушка. Пожилая женщина верно называет то время, в котором она живёт, «веком уродства»⁵ («the age of deformity» [Albee 1: 119]), создавшим ситуацию бездуховности, аморальности и абсурдного противостояния между членами семьи. Неслучайно в пьесе есть упоминание, что Бабушка жила в сельской местности («rural» [Albee: 118]), а затем насильно была перевезена своей дочерью в город. Деревня, согласно восприятию многих американцев, являет собой «пасторальный идеал, деревенский рай, описанный ещё Сент Джоном де Кривкёром и Генри Торо» [Janiszewski: 59]. Именно Бабушка является носителем того возвышенного представления об американской мечте, взлелеянной первыми переселенцами и основателями Америки, и противопоставит другой её версии, воплощённой в пародии на американского Адама. В одном из своих монологов она представляет собственную философию жизни, с которой обращается к потомкам: «[...] Ты должен иметь чувство собственного достоинства, [...] если

же его у тебя нет, цивилизация обречена» [Albee 1: 104]. Ссылаясь на высказывание Ульяма Купера, который писал в своём стихотворении, что «Господь создал деревню, а человек город» [Cowper: 3], можно заключить, что в пьесе, таким образом, конфликт среднего и старшего поколения отражает знаковую для американской культуры оппозицию город – деревня. Город, который населяют типовые мамули, папули, а также их дети, отринувшие пуританскую мораль и искажившие идеал американской мечты, несёт за собой угрозу морали и человеческому достоинству. Деревня, представителем которой является Бабушка, напротив, – это пространство, в котором есть надежда для американского Адама вернуть утраченный рай.

В пьесе «Счастлирое событие» Славомира Мрожека семейная драма приобретает политический подтекст, а Мрожек становится, по словам Т. Нычека, «предупреждающим морализатором» [Nyczek: 128]. По словам Блоньского, Мрожек создаёт «модель самоуничтожения», в которой «ошибочные схемы социальной логики и укладов распадаются в собственном развитии» [Błoński]. Поколенческий конфликт в драме отражает авторский взгляд на социально-политическое развитие мира. Мрожеком выстроена определённая схема: идея «абсолютной монархии» и тирании в лице представителя старшего поколения (Старика) противопоставлена поколению среднее (Муж и Жена), выражающее идеалы демократии и либерализма. Такая идейная конфронтация между сыном и отцом, отражающая глубинную психологию отношений в рамках «эдипова комплекса», по утверждению Г.Д. Гачева, характерна для польской литературы и включает в себе одну из архетипических моделей польского бытия. «Отец отеснён – в ничтожность: и король безгласен при “либерум вето”, и в литературе Отец – слабый персонаж» [Гачев: 460], – пишет исследователь. Рождение ребёнка (Младенца) означает «веяние будущего» [Mrozek: 174], «революцию» [Mrozek: 174], фактически смерть монархии, чего так боится Старик и против чего так рьяно борется: «Зачем мне внук, если я не собираюсь умирать? Что я получу через потомка? Ничего, только потерю. ...Младенец отправит меня в прошлое... и ускорит мою смерть. Итак, или я, или он» [Mrozek: 171]. В сконструированной Мрожеком модели мира, в которой ведущую роль играют мотивы разрушения и опустошенности, преемственность поколений невозможна, так же как и само будущее ставится под вопрос. Конфликт среднего и старшего поколений есть следствие цивилизационного тупика, в котором оказался современный западный мир.

Таким образом, архетипические образы в драматургии Э. Олби и С. Мрожека представляют собой собирательный метанациональный опыт поколения, которому принадлежали Олби и Мрожек. Посредством гротескно-пародийных образов, реализующих амбивалентный архетип «божественно-

го ребенка» – «ужасного младенца», у обоих драматургов представлена аллегория несостоятельного и трагического будущего. Трагикомический образ юноши, выражающий архетип «героя» и сочетающийся с мотивом «пляски смерти», свидетельствует о пародизации героического пути главных персонажей. Через изображение поколенческого конфликта в рамках бахтинской теории карнавала авторами осмысливается рубежное состояние культуры и социума, возникшее в результате общеевропейского кризиса аксиологических оснований бытия. Карнавализация поколенческой тематики отражает трагедию семьи, сквозь призму которой представлен мир «наоборот» с разрушенной иерархией семейных отношений. Адиалогичность поколений, рассогласованность их идеологических позиций противоречат концепции будущности западного мира. Конфликт поколений Олби включает в рамках оппозиции город (среднее и младшее поколение) – деревня (старшее поколение). Через осмысление понятия «город» Олби метафорически изображает неполноценность, бездуховность современного общества, погрязшего в гедонистическом образе жизни, и неспособность молодого поколения изменить его. Некогда одухотворённый смысл «американской мечты», заключающийся в себе пасторальный идеал в лице старшего поколения, оказался выхоленным и приземлённым до уровня материальных потребностей. Гротескно-пародийный образ американского Адама являет собой искажённую модель национального мифа. Мрожек в своих пьесах становится обличителем цивилизационного прогресса, детищем которого неминуемо оказывается хам и мошенник. Идейная конфронтация старшего и среднего поколений становится фактором цивилизационного тупика и хаоса, сопряжённым с примитивизацией младшего поколения.

Примечания

¹ См. об этом подробнее: Сагайдак А.Н. Архетип Ужасного Младенца и его манифестация. URL: <https://teurung.org/arhetip-uzhasnogo-mladenca-i-ego-manif/> (дата обращения: 23.11.2020)

² Перевод А.Г. Ненилина

³ Об интертекстуальной связи библейского и литературного текстов см.: Зиновьева Р.В. Игровая поэтика Эдварда Олби в драме «Кто боится Вирджинии Вульф» // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 4 (85). С. 123–128.

⁴ Перевод В. Вульфа и А. Дорошевича

⁵ Перевод наш. – Р.З.

Список литературы

- Баталов Э.Я.* Русская идея и американская мечта. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 384 с.
- Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 545 с.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс-Культура, 1995. 480 с.

Кэмпбелл Дж. Сила мифа. СПб.: Питер, 2018. 304 с.

Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2018. 480 с.

Ненилин А.Г. Стивен Кинг и проблема детства в англо-американской литературной традиции: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 158 с.

Нефедова Л.К. Архетип ребенка как онтологический прототип и энергийно-смысловая форма конструирования понимания детства в искусстве слова. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetip-rebenka-kak-ontologicheskij-prototip-i-energiyno-smyslovaya-forma-konstruirovaniya-ponimaniya-detstva-v-iskusstve-slova> (дата обращения: 05.11.2020).

Олби Э. Американская мечта // Смерть Бесси Смит и другие пьесы. М.: Изд-во «Прогресс», 1976. 308 с.

Олби Э. Шаткое равновесие. URL: http://filiprov-mi.narod.ru/books/delicate_balance.htm (дата обращения: 13.11.2020).

Ожиганова Е.М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-pokoleniy-n-houva-i-v-shtrausa-vozmozhnosti-prakticheskogo-primeneniya> (дата обращения: 15.10.2020).

Померанц Г. Интеллигенция, интеллигенты и интеллигентность. URL: http://www.pomeranz.ru/p/lect_intell.htm (дата обращения: 13.11.2020).

Сагайдак А.Н. Архетип Ужасного Младенца и его манифестация. URL: <https://teurung.org/arhetip-uzhasnogo-mladenca-i-ego-manif> (дата обращения: 23.11.2020)

Фурс В.Н. Архетип // Всемирная энциклопедия: Философия XX век / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М.: АСТ; Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. 1312 с.

Юнг К.Г. Божественный ребенок: Аналитическая психология и воспитание. М.: Изд-во АСТЛТД, 1997. 249 с.

Albee E. The collected Plays of Edward Albee. New York, London, Overlook Duckworth, 2007, vol. 1, pp. 637.

Albee E. The collected Plays of Edward Albee. New York, London, Overlook Duckworth, 2007, vol. 2, pp. 669.

Błoński J. Цит. по: Kral A.W. Katastroficzna farsa Mrożka. Encyklopedia Teatru Polskiego. URL: <http://encyklopediateatru.pl/artykuly/111590/katastroficzna-farsa-mrozka> (дата обращения: 10.12.2020).

Gazda G. Słownik europejskich kierunków i grup literackich XX wieku. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000, ss. 501.

Janiszewski A. The idea of the absurd in the American drama of the sixties. Wydawnictwo UMCS. Lublin, 1996, ss. 59–79.

Klimczak D.P. Tango Smierci. Sławomira Mrożka rzeczy ostateczne. Kraków-Warszawa, 2010, ss. 97.

Lewis R.W.B. The American Adam: Innocence, Tragedy and Tradition in the Nineteenth Century. Chicago, 1955, pp. 203.

Murray G. Hamlet and Orestes: A Study in Traditional Types, N. Y., Oxford University Press American Branch, 1914, pp. 27.

Patea V. The Myth of the American Adam: A Reassessment. Critical Essays on the Myth of the American Adam. Spain, Ediciones Universidad de Salamanca, 2001, pp. 15–40.

Pifer E. Demon or Doll. Images of the Child in Contemporary Writing and Culture. Virginia, 2000, pp. 272.

Mrożek S. Racket Baby. Sztuki odnalezione. Małe i mniejsze. Noir Sur Blanc. Warszawa, 2010, ss. 51–62.

Mrożek S. Szczęśliwe wydarzenie. Wybór dramatów. Kraków, 1963, ss. 163–206.

Nyczek T. Niemowlęce Tango. Twórczość, 1973, Nr 9, ss. 128.

Weales G. Edward Albee: Don't Make Wares. Edward Albee: A Collection of Critical Essays, ed. C.W.E. Bigsby. Englewood Cliffs, Prentice Hall, 1975, pp. 21–44.

William C. The Task. M. Reze, R. Bowen. Key Words in American Life. Understanding the United States. Paris, N. Y., Barcelona, Milan, Masson, 1979, pp. 289.

References

Batalov E. Ya. *Russkaja ideja i amerikanskaja mehta* [The Russian Idea and The American Dream]. Moscow, Progress-Tradicija Publ., 2009, 384 p. (In Russ.)

Bahtin M.M. *Tvorcestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura Crednevekov'ja i Rennsansa* [The work of François Rabelais and the popular culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow, Hudozhestvennaja literature Publ., 1990, 545 p. (In Russ.)

Gachev G.D. *Nacional'nye obrazy mira. Kosmo-Psiho-Logos* [National Images of the World. Cosmo-Psycho-Logos]. Moscow, Progress-Kul'tura Publ., 1995, 480 p. (In Russ.)

Campbell J. *Sila mifa* [The Power of Myth]. Saint-Petersburg, Piter Publ., 2018, 304 p. (In Russ.)

Campbell J. *Tysjachelikij geroj* [The Hero with a Thousand Faces]. Saint-Petersburg, Piter Publ., 2018, 480 p. (In Russ.)

Nenelin A.G. *Stephen King i problema detstva v anglo-amerikanskoj literaturnoj tradicii*: dis. ... kand. filol. nauk [Stephen King and The Theme of childhood in the Anglo-American literary tradition: DSc thesis]. Samara, 2006, 158 p. (In Russ.)

Nefedova L.K. *Arhetip rebenka kak ontologicheskij prototip i jenergiyno-smyslovaja forma konstruirovaniya ponimaniya detstva v iskusstve slova* [The Archetype of the Child As an Ontological

Prototype and an Energetic and Semantic Form of Constructing an Understanding of Childhood in the Art of Speech]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetip-rebenka-kak-ontologicheskij-prototip-i-energiyno-smyslovaya-forma-konstruirovaniya-ponimaniya-detstva-v-iskusstve-slova> (access date: 05.11.2020). (In Russ.)

Albee E. *Amerikanskaja mehta* [The American Dream]. *Smert' Bessi Smit i drugie p'esy* [The Death of Bessie Smith]. Moscow, Progress Publ., 1976, 308 p. (In Russ.)

Albee E. *Shatkoe ravnovesie* [The Delicate Balance]. URL: http://filippov-mi.narod.ru/books/delicate_balance.htm (access date: 13.11.2020). (In Russ.)

Ozhiganova E.M. *Teorija pokolenij N. Houva i V. Shtrausa. Vozможности prakticheskogo primeneniya* [The Generation Theory of N. Howe and W. Strauss. Opportunities for practical application]. *Biznes-obrazovanie v jekonomike znaniy* [Business education in a knowledge economy], 2015, № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-pokoleniy-n-houva-i-v-shtrausa-vozможности-prakticheskogo-primeneniya> (access date: 15.10.2020).

Pomeranc G. *Intelligencija, inteligenty i intelligentnost'* [Intelligentsia, Intellectuals, Education

and Good Manners]. URL: http://www.pomeranz.ru/lect_intell.htm (access date: 13.11.20).

Sagajdak A.N. *Arhetip Uzhasnogo Mladenca i ego manifestacija* [The Terrible Child archetype and its manifestation]. URL: <https://teurung.org/arhetip-uzhasnogo-mladenca-i-ego-manif> (access date: 23.11.2020)

Furs V.N. *Arhetip* [The Archetyp]. *Vsemirnaja jenciklopedija: Filosofija XXvek, gl. nauch. red. i sost. A.A. Gricanov* [The World Encyclopedia: Philosophy of the twentieth century]. Moscow, AST Publ., Minsk, Harvest, Sovremennyj literator Publ., 2001, 1312 p. (In Russ.)

Jung K.G. *Bozhestvennyj rebenok: Analiticheskaja psihologija i vospitanie* [The Divine Child: Analytical Psychology and Training]. Moscow, ASTLTD Publ., 1997, 249 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.11.2020; одобрена после рецензирования 19.12.2020; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 28.11.2020; approved after reviewing 19.12.2020; accepted for publication 12.02.2021.